

Чтобы закрепиться в клане Цзун, Вэнь Янь носил маску, угождая Цзун Си и цепляясь за него. Когда Цзун Си решил жениться на другой, а Вэнь Янь узнал скрываемую годами тайну, ему захотелось лишь одного — сбежать. Но Цзун Си раскинул сети по всему миру, не оставив ему ни единого пути к отступлению. Цзун Си сломал ему крылья: Яньян, ты же говорил, что всегда будешь со мной. Вэнь Янь горько усмехнулся: Разве можно принимать ложь за чистую монету? Цзун Си запер его: Раз ты однажды сказал это, изменить нельзя до конца дней. Основная пара: жестокий и могущественный уа-инвалид (позже его ноги исцелятся) против холодного, упрямого шоку, жаждущего свободы. Второстепенная пара: легкомысленный повеса-топ против любящего и наивного шоку. Любители поплакать над стеклом, милости просим! Боль перемешана с сахаром, вас ждет особая сладость~~~

Глава 1. Маска

Осень в Лочэне — короткая и очень красивая.

Летний шум стихает, небо становится безмятежным, высоким и ясным. Суровый осенний ветер навевает такую истовую торжественность, что невольно хочется погрузиться в раздумья.

Вэнь Янь уже давно отложил ручку и, запрокинув голову, отрешенно смотрел вдаль на небо.

В такие минуты Вэнь Янь любил делать уроки на улице, словно растворяясь в объятиях осени, и тогда стершиеся в памяти образы порой всплывали на поверхность.

— Юный господин Вэнь. — Голос нарушил одиночество Вэнь Яня.

Вэнь Янь опомнился, выражение его лица мгновенно сменилось с растерянного на привычно-мягкое, и, заметив гостя, он поднялся:

— Управляющий Янь, вы что-то хотели?

Вэнь Янь трезво оценивал себя: какой он, к черту, юный господин? Разве мог он носить такое звание? Все вокруг обращались к нему так исключительно из уважения к Цзун Си.

На вечно напряженном лице Янь Дэмина не дрогнул ни один мускул:

— Юный господин вернулся, просит вас подойти.

— Братец Си вернулся? — На лице Вэнь Яня промелькнуло удивление, глаза заблестели от восторга. — Когда он приехал?

— Только что. Он сейчас в кабинете.

— Хорошо, я сию минуту. — Вэнь Янь торопливо заложил ручку в тетрадь, сгреб учебники в охапку, охваченный спешкой.

Уже собираясь уйти, он бросил взгляд на свою одежду:

— Управляющий Янь, я переоденусь, а вы пока идите по своим делам.

Янь Дэмин слегка кивнул и повернулся, чтобы уйти.

В тот самый момент, когда он отвернулся, радость на лице Вэнь Яня испарилась без следа,

сменившись полнейшим безразличием.

Не успел он насладиться и несколькими днями относительной свободы, как, знал Вэнь Янь, придется снова выходить на сцену.

Переодевшись, Вэнь Янь оглядел себя в зеркало и, глядя на собственное ледяное лицо, постепенно натянул привычную, угодливую улыбку.

Нацепив эту маску, Вэнь Янь вышел из своего дворика и направился к главному дому.

Поместье клана Цзун было огромным. Когда Вэнь Янь только приехал сюда, ему казалось, что он попал в заколдованный лес из детской сказки, где проще простого заблудиться.

Главный дом располагался точно в центре, и жили там всего три человека из семьи Цзун.

Вокруг то тут, то там ютились приземистые флигельки, удаленные от главного здания — пешком идти не меньше десяти минут.

Вэнь Янь был более чем доволен таким расстоянием и искренне надеялся, что оно увеличится еще сильнее.

Только вот неспешная прогулка ему не светила — напротив, пришлось бежать туда всю дорогу мелкой трусцой.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Вэнь Янь остановился на пороге, даже не пытаясь выровнять дыхание — так и остался стоять с участвующимся пульсом.

— Братец Си! — крикнул он, влетая в комнату, и на его лице засияла неподдельная радость.

Звонкий голос юноши ворвался внутрь, разбавляя тяжелую, давящую атмосферу кабинета.

Сидевший за письменным столом молодой человек поднял голову, являя миру лицо потрясающей, чарующей красоты.

Хоть Вэнь Янь и видел его бесчисленное множество раз, при каждом взгляде его на мгновение охватывало оцепенение.

Рядом с Цзун Си даже признанный красавец-первый парень школы показался бы оборванным гадким утёнком.

Возможно, из-за того, что Цзун Си годами не вылезал из помещений и почти не двигался, кожа его отливала нездоровой бледностью, неизменно вызывая у Вэнь Яня ассоциации с вампирами из кино.

Свет в кабинете приглушили, и когда он падал на словно вырезанное из белого яфри нефрита лицо Цзун Си, Вэнь Янь почему-то вспоминал ночную пустынную снежную равнину — становилось не по себе.

— Яньян, иди сюда. — Голос Цзун Си звучал глуховато, совсем не вяжась с его утонченной внешностью.

Не дожидаясь приглашающего жеста, Вэнь Янь быстрыми шагами подошел и встал рядом с Цзун Си, а сияющие радостью глаза придавали его миловидному лицу невероятную живость.

— Братец Си, в этот раз ты...

Вэнь Янь заговорил и уже хотел, как обычно, опуститься на стул, но вдруг заметил в темном углу кабинета коленопреклоненную фигуру мужчины и мгновенно замолк.

Глава 2. Угождение

Угол, где стоял на коленях незнакомец, был погружен в полумрак, издали напоминая сгусток чернильной тени. Вэнь Янь вздрогнул от неожиданности, но вида не подал — его лицо тут же приняло невозмутимый вид.

Перед Цзун Си он не смел демонстрировать никаких чувств, кроме угождения.

— Проваливай. — Цзун Си бросил мимолетный взгляд на стоящего на коленях человека.

— Слушаюсь. — Мужчина поднялся. Когда он чуть приподнял опущенную голову, Вэнь Янь сразу узнал в нем личного ассистента Цзун Си по имени Цзун Жань, который повсюду следовал за хозяином уже несколько лет.

Корпорация Цзун была крупнейшим кланом в Лочэне. Отец Цзун Си, Цзун Чжэньмин, происходил из главной ветви рода, в его руках были сосредоточены львиная доля семейного капитала и вся власть, тогда как побочные ветви клана Цзун жили лишь за счет его милости.

Желая угодить Цзун Чжэньмину, некоторые родственники из боковых ответвлений отправляли к ним своих нелюбимых сыновей — в услужение Цзун Си. Эдакий современный аналог древнего обычая, когда вельможи отдавали наследников во дворец компаньонами к кронпринцу.

Цзун Жань был одним из них, его отобрали в помощники Цзун Си пару лет назад.

Вэнь Янь всегда находил, что характер Цзун Жана разительно противоречит его имени — в нем не было и искры «пламени» [1]. Тот вечно ходил с каменным лицом, казалось, ничто на свете не способно задеть его струны души.

Вэнь Янь даже злорадно домисливал, не приходится ли Цзун Жань и управляющий Янь кровными родственниками — уж больно похожи их привычки застывать с одинаково суровыми миннами.

Цзун Жань быстро удалился, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Щелчок защелки вернул Вэнь Яня в реальность. Привычным движением он опустил на пол рядом с инвалидным креслом Цзун Си и, подняв на него взгляд, лучился заботой:

— Братец Си, в этот раз тебе стало лучше?

Вэнь Янь имел в виду ноги Цзун Си.

В детстве Цзун Си сразила какая-то хворь, лишившая его ноги всякой силы, так что с тех пор он был прикован к креслу.

Порой Вэнь Янь думал: возможно, небеса просто уравнили чаши весов, раз уж даровали Цзун Си столь многое, отказавшись делать его совершенным во всем.

И все же, даже несмотря на это, Цзун Си превосходил его самого в миллионы раз.

Вэнь Янь ни за что не осмелился бы произнести слово «ноги» в присутствии Цзун Си. В прошлой жизни — вернее, годы назад — один слуга по неосторожности обмолвился при четырехлетнем [2] Цзун Си этим словом, и тот велел до крови исхлестать беднягу плетью.

Цзун Си заставил восьмилетнего тогда Вэнь Яня от начала и до конца смотреть на расправу. Ребенок целый месяц страдал от кошмаров и с тех пор завязал на язык узел перед ним.

Встретившись с ним взглядом, Цзун Си утонул в огромных глазах-оленьих очах, полных искренней тревоги и тепла.

Раздражение от рабочих забот немного отступило, и Цзун Си стал чуть разговорчивее:

— Врачи говорят, динамика неплохая.

Недавно Цзун Си ездил на лечение в Японию. Изначально он планировал взять Вэнь Яня с собой, но тот намеренно простудился, чтобы остаться дома.

— Как здорово! — лицо Вэнь Яня озарилось улыбкой. Он робко коснулся колена Цзун Си, изображая трепетное предвкушение: — Братец Си, значит, совсем скоро мы сможем вместе бегать и плавать?

Цзун Си перехватил его руку и с силой вдавил себе в бедро, заставляя почувствовать напряжение мышц под тканью брюк.

— Братец Си. — Вэнь Янь торопливо выдернул руку, заикаясь: — Э-э... Прости, я... я не сделал тебе больно?

Цзун Си усмехнулся:

— Мои ноги — не сухие деревяшки, от прикосновения не отломятся. После этого курса лечения я чувствую, что в ногах прибавилось сил, вот и хотел, чтобы ты тоже ощутил разницу.

Вэнь Янь не почувствовал никакой разницы, но послушно кивнул:

— И правда, будто сил стало больше, чем раньше.

— Серьезно? — Цзун Си в упор смотрел на него несколько секунд, уголки его губ изогнулись в улыбке, придававшей лицу демонический оттенок.

Вэнь Янь под этим взглядом напрягся, невольно сглотнул. Кадык слегка дернулся, и от этого движения зрачки Цзун Си сузились.

Глава 3. Никакого достоинства

Цзун Си резким движением рывком поднял Вэнь Яня с пола и усадил себе на колени:

— Яньян, только так ты сможешь прочувствовать по-настоящему.

Тело Вэнь Яня одеревенело, но он не смел сопротивляться — боялся причинить Цзун Си боль и навлечь на себя еще худшие последствия.

— Яньян. — Цзун Си подался ближе, и в его голосе зазвучали властные нотки, смешанные с предвкушением. — Ты же знаешь, что нужно делать.

Тело Вэнь Янь сковало еще сильнее, челюсти сжались до боли. Перед глазами стояла лишь одна мысль.

Сбежать. Убежать как можно дальше.

— Яньян? — Не дождавшись желаемого, Цзун Си повторил его имя тяжелым, нетерпеливым тоном.

Медлить было нельзя. Вэнь Янь поднял руки, обвивая его шею, и медленно подался вперед, прижимаясь губами к губам Цзун Си.

... (Остальной текст опущен, см. «Обращение автора» в конце главы)

Вэнь Янь изо всех сил старался не замечать дрожи кожи, замедлил дыхание, молитвенно желая, чтобы эта пытка поскорее закончилась.

Но перед Цзун Си Вэнь Янь чувствовал себя кроликом перед лицом хищника: то, что он силой заставлял себя не бежать, было уже пределом возможностей. Заставить же себя искренне ласкаться к нему он физически не мог.

Он прекрасно знал, что не гомосексуал, и не был способен испытывать влечение к человеку своего пола.

— Целуешься столько раз, а всё равно такой неопытный? — Цзун Си перехватил его запястье.

Вэнь Янь не нашелся что ответить. Он лишь опустил голову, не смея поднять глаза.[1] Имя Цзун Жана (Цзун Жань) содержит иероглиф «ран» (гореть, пылать, зажигать), означающий «гореть», «пылать», «зажигать».[2] Возраст изменен в соответствии с логикой текста оригинала (указано 14 лет ниже, но здесь возраст исчисляется с момента происхождения, о котором говорится как о прошлом; в оригинале «14-летний Цун Си»). Видя, что Вэнь Янь всё еще зажат и неподвижен, Цзун Си остановился и приподнял его подбородок:

— Тебя что, отправить на учебу, чтобы ты наконец сообразил, как себя вести?

Вэнь Янь тут же задрожал.

Он вспомнил, как однажды, сопровождая Цзун Си на деловой встрече, случайно заглянул в комнату и увидел стоявшего на коленях юношу, который обслуживал другого мужчину. Тогда его охватил такой ужас, что он тут же бросился бежать.

Вернувшись к Цзун Си, перепуганный Вэнь Янь кое-как выдавил из себя обрывочные слова об увиденном. Однако Цзун Си не только не стал его утешать, но даже велел управляющему ночного клуба провести для него целую экскурсию, чтобы он своими глазами увидел, как эти люди угождают клиентам.

Вэнь Янь тогда до смерти боялся, но изо всех сил делал вид, что сохраняет хладнокровие, тщательно избегая многозначительных взглядов управляющего.

В глазах управляющего он, должно быть, уже давно числился в любовниках у Цзун Си, и его привели натаскивать в постельных науках.

Раньше Вэнь Янь наивно полагал, что раз он приходится Цзун Си номинальным двоюродным братом — пусть даже между ними нет кровного родства, — то даже если Цзун Си и положил на него глаз, он хотя бы сохранит за ним хоть капельку человеческого достоинства.

Но в тот момент всякая надежда в его душе окончательно угасла.

Оказалось, что он ничем не отличается от тех мальчиков по вызову из ночного клуба. Разница, пожалуй, была лишь в том, что его держали дома, и он был чуточку чище тех, кто работал на улице.

При этой мысли сердце Вэнь Янь постепенно заledenело, однако на лице по-прежнему застыла угодливая и настороженная улыбка. Он сам подался вперёд:

— Брат Си, прости.

Затем он прильнул к губам Цзун Си и первым разомкнул их.

Только тогда Цзун Си довольно улыбнулся.

Цзун Си улыбался редко, и улыбка лишь добавляла привлекательности его красивому лицу — некогда Вэнь Янь засматривался на него до оцепенения.

Но на этот раз Вэнь Янь закрыл глаза и, преодолевая тошноту, изобразил на лице восторженное выражение, моля лишь об одном — чтобы эта пытка поскорее закончилась.

Какая же ты дрянь, система 004!

Возможно, ноги Цзун Си уже не выдерживали столь долгой нагрузки, поэтому он целовался с Вэнь Янем лишь какое-то время, а затем отстранился.

Без разрешения Цзун Си Вэнь Янь не смел шевельнуться и, изображая застенчивость, опустил голову, пряча в глубине глаз отвращение и унижение.

— И чего ты такой тонкокожий? — Цзун Си в отличном настроении погладил его по щеке. — Что же... будет дальше?

Для Вэнь Яня эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

Что ещё Цзун Си собирался с ним сделать?

Выносить ласки Цзун Си было для него пределом, и Вэнь Янь не знал, сможет ли стерпеть то, что делают другие любовники Цзун Си.

Цзун Си слегка ущипнул его за талию:

— О чём задумался? Вэнь Янь поспешно слез у него с колен и встал в стороне. Несмотря на то, что одежда его была растрепана, он прежде всего принялся тщательно разглаживать чуть замятые брюки и рубашку Цзун Си, намеренно отводя взгляд от его распухших алых губ.

Цзун Си наслаждался его заботой и спросил:

— Ну как, тебе ведь намного лучше?

— И правда намного лучше, — Вэнь Янь заставил себя выдавить радостную улыбку. — Этот

врач просто потрясающий, только жаль, что он далеко в Японии, раз даже тебе, братец Си, пришлось лично туда ехать.

— В следующий раз не придется, — Цзун Си поймал его за руку. — В следующем месяце он приедет в Лочэн на полгода, чтобы продолжить мое лечение.

Это поистине были дурные вести. Вэнь Янь почувствовал, что времени, когда он сможет держаться от Цзун Си подальше, стало еще меньше, но на лице сохранил радостное выражение:

— Как здорово!

В этот момент на письменном столе зазвонил телефон Цзун Си. Он взял аппарат, глянул на экран и, не спеша отвечать, бросил Вэнь Яню:

— Выйди пока.

Вэнь Янь почувствовал себя так, будто ему даровали помилование, и был готов немедленно сорваться с места, однако напускное предвкушение все же требовалось сохранить:

— Братец Си, а мы поужинаем вместе?

— Не нужно, мне скоро уходить.

Только теперь Вэнь Янь заметил, что Цзун Си вовсе не в домашней одежде. Мысленно он вздохнул с облегчением и попятился к выходу.

Стоило закрыть дверь, как напускная улыбка с лица Вэнь Яня мгновенно исчезла. Он яростно затер кулаком губы, уголки его глаз чуть покраснели, и, до боли закусив губу, он изо всех сил попытался подавить подступающие эмоции.

В коридоре проходила служанка. Вэнь Янь быстро вытер глаза, торопливо заправил край рубашки в брюки и, поправляя на ходу воротник, ускорил шаг.

Ноги Цзун Си были повреждены, поэтому обычно он жил на первом этаже, а прямо за окнами раскинулся просторный газон.

В детстве Вэнь Яню очень хотелось попинать здесь мяч, но он знал: любые игры, демонстрирующие движения ног, в присутствии Цзун Си находились под строжайшим запретом.

Стоило Вэнь Яню выйти за дверь и завернуть за угол, как он резко остановился.

Прямо перед ним стоял только что вышедший Цзун Жань. С бесстрастным выражением лица он смотрел на него, и взгляд его был прикован к его рукам.

Вэнь Янь только сейчас сообразил, что его рука до сих пор лежит на воротнике, и тут же опустил ее, неловко поздоровавшись:

— Братец Цзун Жань.

Вообще-то Цзун Жань был вполне правильной и приятной наружности, но после встречи с Цзун Си лицо Цзун Жань показалось Вэнь Яню гораздо более блеклым и заурядным.

Цзун Жань ничего не ответил, его взгляд стал лишь холоднее.

От этого взгляда Вэнь Яню сделалось крайне неудобно: его тонкая чувствительность уловила в нем скрытое презрение.

Пожалуй, Цзун Жань разделял мнение остальных членов клана Цзун, которые видели в нем, Вэнь Яне, не больше чем забавную игрушку Цзун Си.

И комнатную собачку. Под пристальным взглядом Цзун Жана Вэнь Янь чувствовал себя так, будто с него содрали одежду, лишив всякого человеческого достоинства.

Ему хотелось закричать, выругаться и приказать тому убираться.

Но в конце концов Вэнь Янь, как и всегда, сдержался и просто молча обошел Цзун Жана.

Отойдя на некоторое расстояние, он все еще чувствовал на себе липкий и холодный взгляд.

Прошлое

Прибежав в свой маленький внутренний дворик, Вэнь Янь первым делом бросился в ванную и стал ожесточенно тереть лицо и тело, пока места, к которым прикасался Цзун Си, не покраснели до боли.

Лишь физическая боль помогала выплеснуть то подавленное и извращенное чувство, что терзало его изнутри.

Закончив мыться, Вэнь Янь не чувствовал аппетита и вместо ужина сел за уроки.

Он вовсе не был фанатом учебы, но только за учебниками мог обрести душевное спокойствие и забыть обо всем на свете.

Только учеба оставалась его единственной опорой.

В клане Цзун народу было немало, но в основном это прислуга. Чтобы пообедать, все отправлялись прямо на кухню.

Хотя домашние иногда и звали Вэнь Яня юным господином, у него хватало самосознания, и он никогда не позволял прислуге носить ему еду.

После того как однажды, придя на кухню, Вэнь Янь услышал, как слухи судачат о его происхождении, он старался там не появляться, предпочитая терпеть голод или изредка перекусывать купленным печеньем.

Закончив домашнее задание, Вэнь Янь достал дневник.

Тяжелый детский опыт сделал его невероятно чувствительным к чужому настроению и чужим взглядам, хотя на людях приходилось неизменно изображать мягкого и вежливого юношу.

Только в дневнике он решался выплеснуть свои истинные мысли, находя в нем единственное убежище, куда можно было излить душу.

Записав все в дневник, Вэнь Янь лег в постель на голодный желудок и, глядя на качающиеся за окном тени деревьев, в полузабытье перенесся в места своего детства — у того ветхого домика тоже росли два больших дерева.

Каждый раз, когда поднимался сильный ветер, листва издавала пугающие его звуки, а метаемые тени напоминали жутких чудовищ, крадущихся прямо к нему. Частенько Вэнь Янь так пугался, что с головой прятался под одеяло, не смея высунуть нос, даже задыхаясь от летней жары.

Вглядываясь в темноту, Вэнь Янь предавался воспоминаниям, и слезы беспрепятственно текли по его щекам.

Вэнь Янь был посмертным ребенком: его отец погиб в результате несчастного случая еще до его рождения, и он всю жизнь скитался с матерью.

Сколько себя помнил, его главным ощущением был голод, а уже за ним шла нищета.

Мать Вэнь Яня не имела хорошего образования и зарабатывала на жизнь и сына случайными подработками. У нее не было времени приглядывать за мальчиком, поэтому она часто запирала его одного дома.

Вэнь Янь то и дело глотал слюнки, внюхиваясь в ароматы еды из соседских квартир, отчего его пустой желудок срывался на еще более громкое урчание.

Чтобы выпросить карамельку или хоть кусочек еды, Вэнь Янь с самых ранних лет научился угодничать: он ласково называл незнакомых взрослых дядями и тетями, сыпал приятными словами и послушно плелся хвостом за другими детьми, выполняя любые их поручения.

К счастью, он рос миловидным, и ему частенько удавалось добиться желаемого.

Ради того чтобы жить хоть капельку лучше, Вэнь Янь сызмала научился подстраиваться под чужие лица и кривить душой в угоду другим.

К моменту, когда ему исполнилось восемь лет, мать тяжело заболела, а денег на лечение не было, и она была прикована к постели. Возвращаясь из школы, Вэнь Янь собирал бутылки, чтобы накопить денег и купить маме лекарства, но ее состояние неумолимо ухудшалось.

В день своей смерти она сделала один звонок, а затем, сжимая руку Вэнь Яня, сквозь слезы просила у него прощения и наказывала хорошо учиться и поступить в университет.

Вэнь Янь до сих пор помнил последние слова, сказанные ему матерью:

— Яньян, матушка правда не в силах ничего поделать, тебе придется отправиться в клан Цзун. Вырастешь — обязательно уходи оттуда, не оставайся... Яньян, прости маму...

Мать ушла под его отчаянный плач.

И в тот момент, когда соседи уже обсуждали, как помочь с похоронами, у обветшало́го дома Вэнь Яня остановился роскошный автомобиль, из которого вышел исполненный тяжелого величия мужчина.

Посмотрев на мальчика свысока, он произнес властным тоном, не терпящим возражений:

— Вэнь Янь, я твой старший дядя. Я приехал забрать тебя в клан Цзун. Так Вэнь Янь оказался увезен Цзун Чжэньмином в клан Цзун, словно робкая серая мышь, случайно забредшая в роскошный лес.

Обладая живым и тонким умом, Вэнь Янь прекрасно понимал свое положение: пусть

номинально он и доводился Цун Чжэньмину племянником, но в клане Цзун — не только жена Цун Чжэньмина Шэнь Вэньцзинь, но даже простая прислуга — ни в грош не ставили мальчишку.

Цун Чжэньмин был поглощен работой и не имел времени уделять ему внимание, так что Вэнь Яню приходилось жить в постоянном страхе, изо всех сил стараясь оставаться незаметным.

И так продолжалось до тех пор, пока спустя полмесяца после его прибытия в клан Цзун не вернулся Цзун Си.

Первая встреча

Когда Вэнь Янь только попал в клан Цзун, Цун Чжэньмин лишь вскользь упомянул, что у него есть двоюродный брат по имени Цзун Си, который старше Вэнь Яня на шесть лет, — и на этом все разговоры закончились.

Вэнь Янь также случайно слышал, как слухи шептались о скором возвращении Цзун Си, предупреждая друг друга, что вести себя нужно предельно осторожно, ни в коем случае не гневая его.

Вэнь Янь решил, что Цзун Си, должно быть, ужасный человек, раз домашние так его боятся.

С одной стороны, ему безумно хотелось увидеть этого сводного кузена, с другой — было страшновато.

<http://bllate.org/book/21482/2198435>